

Жанс, правда,
Иванов,
1994. - 10 авг. -
которого

МЫ ПОТЕРЯЛИ

В эти дни впервые выходит в свет собрание сочинений самого таинственного классика Серебряного века **Георгия Иванова**.

Странный, исключительный случай даже для многострадальной русской поэзии: первое достойное издание поэта является на свет в год его столетия, через тридцать шесть лет после его смерти. Иванов умер в эмиграции, в России до середины восьмидесятых годов он издан быть не мог по понятным причинам. Труднее понять, почему попыток полного издания Иванова не предпринимали ни парижское «ИМКА-PRESS», ни нью-йоркское издательство имени А. Чехова, ни другие русские издательства.

Разгадка, по всей очевидности, таится в прозе **Георгия Иванова**. Всю жизнь проза портила поэту «биографию», до крайности осложняла отношения с современниками и создавала ему временами совсем не ту репутацию, к которой он стремился.

Иванову не было и тридцати, когда он взялся за мемуары. Этому способствовал отъезд из России в 1922 году и предчувствия того, что отъезд этот — навсегда.

Впрочем, мемуары писали многие эмигранты, они тихомирно публиковались и остались документами своей эпохи. Всякая же публикация воспоминаний **Георгия Иванова** вызывала в русской эмиграции бурю эмоций, поток опровержений и открытых писем. Люди, о которых вспоминал Иванов, были еще в большинстве своем живы и категорически отказывались узнавать себя в героях ивановских мемуаров. Ахматова, Северянин, Цветаева обвиняли Иванова во лжи и бездарности.

Сам поэт называл свою прозу фельетонами в старом, далевском значении этого слова, но его будто никто не слышал. Прозу Иванова судили по строгим законам документального жанра, а он создавал новый жанр, сплав реальности и мифов, быта и слухов, документа и снов.

В своей книге «Петербургские зимы» поэт писал: «Есть воспоминания, как сны. Есть сны — как воспоминания».

Время рассудило поэта и его оппонентов. Художественная ценность блистательной прозы Иванова несравнима с ценностью документальной. Это ясно и специалистам, и читателям. Потомки — вообще народ снисходительный. Возможно, на это и надеялся **Георгий Иванов**.

Впрочем, и современники поэта — самые мудрые и талантливые из них — простили Иванову «грех» мифотворчества, они понимали, что он писал не о лицах, а о Времени. Еще в 1934 году на вечере памяти **Андрея Белого** прозаику **Юрию Фельзену** посчастливилось примирить Иванова с **Ходасевичем** и **Цветаевой**.

Свои лучшие стихи **Георгий Иванов** написал в конце сороковых, после войны, почти в полной нищете. В начале пятидесятых стали выходить его сборники, но для поэта это уже было слишком поздним утешением. Он уже не мечтал, как в юности, о славе первого поэта, о том, чтобы любой ценой создать «кусочек вечности», как он однажды написал.

Мне говорят — ты выиграл игру!

Но все равно. Я больше не играю.

Допустим, как поэт я не умру,

Зато как человек я умираю.

Последние месяцы жизни ему снилась книга, которую он будто бы пишет. Он просыпался, писал об этой несуществующей книге издателям и знакомым. Ему осторожно говорили окружающие, что книги нет, он же ничего не пишет. А он отвечал упрямо, что книга есть.

Умер **Георгий Иванов** в пансионе для престарелых на юге Франции 26 августа 1958 года.

Спустя тридцать лет вернется на Родину его жена, **Ирина Одоевцева**. Ее будут показывать в передачах новостей как живую сенсацию, она будет улыбаться и что-то говорить о счастье...

Если бы жить... Только бы жить...

Хоть на литейном заводе служить.

Хоть углекопом с тяжелой киркой,

Хоть бурлаком над Великой Рекой.

В собрание сочинений **Георгия Иванова**, издаваемое акционерным обществом «Согласие», вошли стихотворения и избранные переводы (том 1), проза, в том числе роман «Третий Рим», «Книга о последнем царствовании», поэма в прозе «Распад атома» (том 2), мемуары (том 3).

Дмитрий ШЕВАРОВ.